

Шалва Амонашвили:

«УЧИТЕЛЯ НУЖНО ВЗРАЩИВАТЬ, А НЕ ГОТОВИТЬ»

Двадцать пять лет тому назад мне попала на глаза книга Ш. Амонашвили «Здравствуйте, дети!» и я была покорена этим человеком, этим учителем от Бога, так поэтически описывающим взаимоотношения со своими маленькими учениками-шестилетками, обучение которых он превратил в увлекательную игру познания и воспитания. Шалва Александрович первым в СССР проводил эксперимент по обучению шестилеток. Он последовательно внедрял и пропагандировал гуманную педагогику, педагогику души и сердца. Последние 20 лет он работает в России, из них 12 лет – в Московском городском педагогическом университете, возглавляет лабораторию гуманной педагогики. Насколько она востребована сейчас, в наше непростое время? С этого вопроса и начался наш разговор.

Беседу вела Ирина ДОВГАЛЬ

– Последователей у меня очень много. Мы ежегодно на базе Московского городского педагогического университета на протяжении уже восьми лет проводим Международные педагогические чтения, на которых можно увидеть представителей разных стран; приезжают на своих автобусах учителя из Прибалтики – 140–160 человек, причем приезжают не только русскоязычные, а латыши, эстонцы, литовцы...

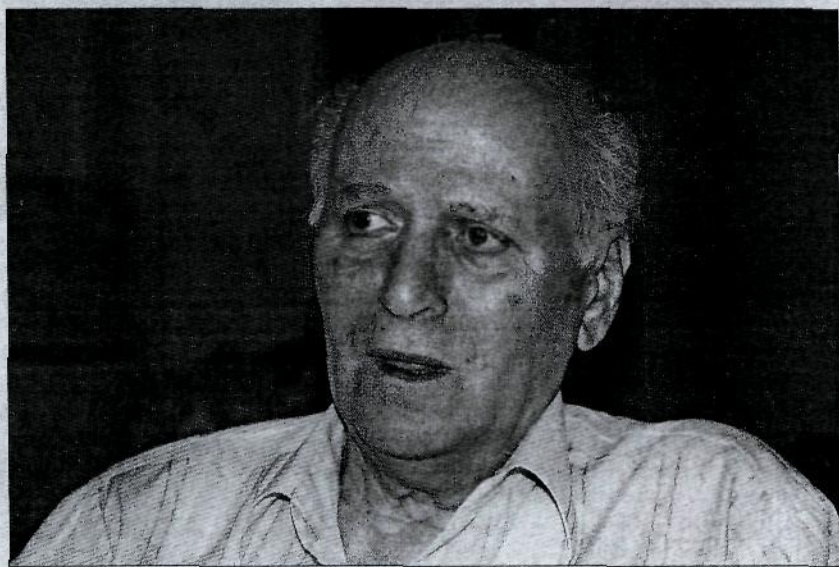
– А почему именно из Прибалтики?

– Эти страны уже хорошо знают западную систему образования, где ценится только технология обучения, а не личностный подход к ребенку. Увидев все это, педагоги Прибалтики решили, что лучше обратить взор на Россию, где развивается гуманная педагогика.

Я очень люблю классиков педагогики: Ушинского, Песталоцци, Корчака, Макаренко, Сухомлинского. А ведь основу классики составляет именно гуманная педагогика. Я создаю свою вариацию на эту тему. И педагоги тянутся к этому. Каждый год, когда зал заполняется, в нем присутствуют представители многих бывших республик Советского Союза: Украины, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и т.д. А Россия является энергетической основой всего этого.

До 700 человек ежегодно участвуют в наших педагогических чтениях.

из Досье

Шалва Александрович Амонашвили,

доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО.

Обычно это постоянные люди, среди которых и учителя, и воспитатели, и психологи, и руководители, есть и чиновники. Иногда и депутаты приезжают. Кстати, мы не ведем обсуждения обычных вопросов, важных для государства. Скажем, ЕГЭ и всех проблем, связанных с этим, не обсуждаем зарплату учителей, национальную программу «Образование». Это не наши задачи. Мы обсуждаем духовно-нравственные проблемы,

которые облагораживают, возвышают мир образования. Чтения были посвящены таким темам, как «Улыбка моя, где ты?», «Почему не прожить нам жизнь героями духа», «Без сердца что поймем?», «Спешите, дети, будем учиться летать!», «В чаще ребенка сияет зародыш зерна культуры», «Истина Школы», «Истинное воспитание Ребенка – в воспитании самих себя». Мы стараемся увидеть будущность образования.

– Насколько популярны сейчас эти программы?

– Те программы, которые мы предлагаем на наших встречах, очень популярны, хотя кто-то может смотреть на них сквозь пальцы: что это такое? Но на чтения по теме «Улыбка моя, где ты?» собрались 600 человек, чтобы разгадать, куда исчезла улыбка учителей, то есть радость школьной жизни, чуткость, взаимность, любовь. Куда все это уходит из школы? Ведь если это уйдет – школу надо будет закрыть. Если это уйдет из вуза – вуз тоже надо будет закрывать. По моему ощущению, наши вузы сейчас стоят на грани этого.

Популярностью пользуется и программа «Без сердца что поймем?» о том, надо ли сердцем воспитывать детей. Мы стремимся «очеловечивать» учителя и через него – образовательный мир.

– Шалва Александрович, как вы считаете, педагогом можно родиться или этому можно научиться?

– И то, и другое. Среди педагогов есть учителя, как говорят, от Бога. Одаренные, талантливые. В вашей жизни, наверное, тоже повстречался такой учитель. Быть учителем – значит жить прекрасной, одухотворенной жизнью.

Есть, к сожалению, учителя с дипломом, которых и близко нельзя подпускать к детям. Но в силу юридических условностей они к ним допущены. Есть диплом о так называемом высшем образовании – и человек идет в школу. А школа всегда нуждается в учителях, и у нее нет выбора. Даже в Москве не всегда есть возможность выбрать из трех-пяти учителей одного одаренного. Приходится брать того, кто пришел. Остается только одно: помочь этим людям полюбить свою профессию, чтобы они поняли ее суть, больше вкладывали в нее душу и сердце.

– А у вас был учитель, который оставил след на всю жизнь?

– У меня была одна такая учительница – Варвара Вардиашвили. Я учился в военные и послевоенные годы. Отец погиб на фронте, а мама была больна, не могла ходить на общие родительские собрания, но воспитывала нас сердцем. И когда из школы поступали неприятные известия (иногда приходила классная руководительница и показывала маме журнал, где у меня было много

«двоек»), мама начинала плакать. И слезы матери меня воспитывали. Понимаете, это особая педагогика, которую формальная наука о воспитании не может постичь. Слезы матери... Или когда мама просто обижена на сына... Она не умела наказывать, главным наказанием для меня были ее слезы, ее обида. Я – семиклассник, двоечник, на которого возлагались обязанности следить за младшей на 7 лет сестренкой, на себе почувствовал, что есть наказание, которое воспитывает, а есть наказание, которое унижает, оно – непедagogично. Наказание же, которое воспитывает, должно затрагивать очень тонкие струны души ребенка. Макаренко прекрасно знал об этом.

– Макаренко бил своих учеников...

– Я сам так думал, ведь он же описывал это в своей «Педагогической поэме», но у него есть работы, где он открывает правду и объясняет, что этого в его жизни не было, никогда он не ударил ребенка. А если писал об этом, то только для создания кульминационных моментов в литературных произведениях. Макаренко знал, как наказывать ребенка, чтобы он переживал наказание как воспитание. А сейчас многие учителя не знают этого. Школа отходит от воспитания, потому что это очень сложное дело, и больше занимается обучением – а это намного легче.

– Когда же начался этот процесс отхода от воспитания?

– Я не скажу, что после советской власти. При советской власти много было разговоров о воспитании, но

все плоды хотели пожинать через обучение. Отсюда и процветание процентомании в оценке академических знаний. Но воспитанность процентами не измерить. Нет способов, убеждающих, что мы выращиваем в средней школе благородного человека. Мы выпускаем того, кто освоил объем знаний, получил отметки, сдал экзамены, теперь и ЕГЭ придумали. Но как нам удостовериться, что в этом человеке есть еще и доброта, и любовь, что он никогда не предаст, не станет на путь криминала? Таких измерителей не существует. Но есть одно – сердце учителя. Мое сердце может измерить воспитанность моих учеников, с которыми я год, два, три, пять потрудился. Я могу ошибиться, но сердце очень редко допускает ошибки. Все экзамены могут лгать, а сердце – не ошибется. Любой хороший учитель это знает.

Я рассказывал о своей учительнице Варваре Вардиашвили. Так вот, она пришла в наш класс в 1947 году. А я был двоечником. И первое, что мне сказала учительница, было просто непонятной для меня вещью. Она поманила меня пальцем и говорит: «Знаешь, я смотрю в твои глаза – и вижу, что у тебя поэтический дар. Ты что, стихи пишешь?» Я растерялся, говорю: «Нет, не знаю...» А она говорит: «Нет, я чувствую, у тебя взгляд поэтический». Не знаю, правда ли она увидела что-то в моих глазах, ведь я поэтом не стал. Но тогда я побежал домой и начал писать стихи. Физика, химия – пусть подождут, там у меня «двойки», но мне уже все нипочем. Как-нибудь потом кто-то поставит мне «тройку» и пропустит в следую-

щий класс, ведь я, оказывается, поэт! Пишу стихи и несу учительнице; семиклассник, уже не маленький. Она читает и говорит: «Да, вот видишь, у тебя дар такой». Я полюбил этого человека. Для нее все сделаю! Пишу сочинения длинные-длинные, тетрадь заполняю, читаю много-много: грузинскую литературу, русскую. По-русски не понимаю почти ничего, но читаю Толстого – ради нее, чтобы я еще прославился читающим.

Она преподавала грузинский язык и литературу, но была не предметником, а учителем человечности. В своем предмете такие учителя видят всю жизнь, всю педагогику. Таким может стать учитель и литературы, и математики, и физики. Любой учитель может стать таким. Вуз должен выпускать не учителей математики, а учителей жизни с помощью математики. Они будут математикой воспитывать детей, а кто-то – литературой, кто-то – историей, кто-то – химией. Но мы пока не научились таким учителям взращивать.

– Почему?

– Мы же наследники не только советской, но и царской школы. Советская власть унаследовала царскую образовательную систему. Куда нам было деться от миллиона с лишним учителей в 1917–1920-х годах? Вслед за этими учителями появились новые, которых учили тому, как преподавать предмет. Не случайно же Н. Крупская говорила: «Лучший учитель тот, который владеет своим предметом». А на самом деле нужен был учитель, способный овладеть сердцем ученика.

Л.Н. Толстой писал: «Учитель, который хорошо владеет своим предметом, – хороший учитель, но учитель, который хорошо знает предмет и знает, как учить – лучше первого.

Но если он знает предмет, как учить, любит детей и свою профессию – он лучше первого и второго».

Педагогические вузы должны прежде всего заниматься воспитанием учителей, на этом нужно строить программы, лекции, семинары. Каждый профессор должен нести студентам любовь к детям и посвящать их в таинство, как сеять знания, чтобы взращивались из них и знания, и нравственность. Как это сделать?

Педагогика – это не наука, а самое высочайшее искусство, которое мы еще познаем, а пока стоим у его подножия.

Готовить учителей – это мало. Надо их воспитывать! Чтобы они не просто знали психологию, а сделали ее инструментом познания ребенка. Не предмет свой знали, а сделали его способом воодушевления, одухотворения ребенка.

– Шалва Александрович, а вы стали педагогом благодаря своей учительнице?

– После школы я хотел стать журналистом. В старших классах хорошо начал учиться и даже получил золотую медаль, потому что моя учительница шепнула мне на ухо: «Мои "пятерки" краснеют рядом с твоими "двойками", как быть?» А я сразу подумал, что нельзя, чтобы «пятерки» краснели – и начал зубрить все предметы. Постепенно пришло и кое-какое понимание этих предметов, мне начали ставить хорошие отметки.

Вот так учителя от Бога могут быть спасательным кругом. А когда я пошел в университет, меня не приняли на факультет журналистики, потому что список был заполнен, я не успел вовремя подать документы. И я поступил на востоковедче-

ский факультет: решил стать дипломатом, как мечтал отец. И в течение года выучил персидский язык так хорошо, что мог переводить Омара Хаяма на грузинский язык. Тем более что уже наловчился писать стихи. Я даже лекции мог читать на персидском языке. Но со второго курса был вынужден работать в школе, чтобы зарабатывать для семьи. Райком комсомола направил меня в ту самую школу, которую я окончил. Там я стал пионервожатым и полюбил педагогическое дело.

Я убежден, что каждый человек имеет свое предназначение, свою миссию. Я ее открыл в школе, и после университета уже ничего не хотел, кроме как быть с детьми: работал учителем истории, литературы, труда. Окончил аспирантуру, не покидая школы, и школа осталась в моей жизни до сих пор.

Моя учительница во мне живет и как будто диктует, подсказывает педагогические истины. Я это называю «воспитанием в моральном климате памяти». Эта мудрость принадлежит Д.С. Лихачеву. Память о моей учительнице до сих пор меня воспитывает, хотя мне уже 78 лет. Воспитанию нет конца. От нее я и несу гуманную педагогику.

Удивительно, что все мои одноклассники и те, кто учился у Варвары Вардиашвили, рассказывали о ней как о своей личной учительнице. Она не оптом нас воспитывала, а лично. Я думал, что она только для меня существует, только меня приглашает к себе домой, только ко мне подошла и шепнула несколько слов. И другим тоже так казалось. Ее выпускники стали блестящими поэтами, историками, литераторами и просто хорошими людьми. А таких учителей, как она, в нашей школе было еще, может быть, двое – и все.

– А другие учителя применяли авторитарный метод воспитания?

– Я был двоечником. Особенно мне не давалась русская речь. В семье никто не говорил по-русски, не было русскоязычного окружения. Учительница же русского языка была

злая-презлая. Она ничего не делала, чтобы я полюбил этот язык, эту речь, а без любви ничего достойного не приобретешь. Или должна быть любовь, или мощнейшее призвание. Когда есть призвание, сметешь все со своего пути, всех авторитарных учителей, и пойдешь дальше. Или должна быть любовь к учительнице,

Для нее отметки – это не свойственный ей строительный материал. Она не нуждается в отметках, криках, формальной дисциплине. Эти понятия уходят. Но если учитель авторитарный, и от него уходит отметка, он обязательно будет цепляться за другие вещи, будет лихорадочно искать замену. Взамен отметок он будет

– Конечно. Поэтому ректоры педагогических вузов должны понять, что будущих учителей нужно воспитывать, а не готовить.

Я не раз бывал в Тольятти на автомобильном заводе и видел, как там через каждые 22 секунды с конвейера автомобиль «Калина». Вот так и с наших конвейеров каждый год выпускаются учителя – и уходят. Но нуждаются ли в таких учителях школы? Школа – мощнейший фактор государственности, превосходящий военную мощь. Она же возвращает сознание людей!

Во время Великой Отечественной войны были честные, мужественные люди, они и принесли победу, но ведь были и предатели... А сейчас, когда слабеет чувство Родины, когда открыты границы и появились зарубежные приманки для нашей молодежи, чувство Родины становится хорошей иллюзией. Поэтому надо вернуться к воспитанию патриотизма, иначе мы не будем знать, в какую сторону повернет свой автомат наш солдат. Это будет зависеть от его сознания. Поэтому национальная основа, опора для великой страны – это воспитанные, а не озлобленные на весь мир люди.

Учителя – духовные наставники народа в любой стране. Государство, которое забывает о нуждах своих учителей, не будет иметь достойного будущего. Россия в долгу перед своими учителями, они бедствуют, унижены, им не доверяют. Это есть одно из проявлений духовного кризиса, что более опасно, нежели вся-

Россия в долгу перед своими учителями: они бедствуют, унижены, им не доверяют. Это есть одно из проявлений духовного кризиса, что более опасно, нежели всякого рода экономические кризисы.

и через нее зародится мотив учения. Но со мной так не случилось. Учительница была очень злая, недолюбливала меня, а я ничего не понимал в русском языке, зубрил, но ничего не получалось. Из-за этого мама много раз плакала. Вот от таких учителей – проблемы в школе. По химии, физике, иностранному языку... Как это так: в школе было более двух тысяч уроков иностранного языка, неужели за это время я не мог научиться говорить на этом языке? Ведь в университете за год я заговорил на персидском языке и даже начал переводить стихи!

Видимо, учителям в школе было не до нас, или они учили так, как от них требовали. Да, они были авторитарные, властные, отметки были олицетворением их власти. Из-за этих «двоек» у меня и возник такой бунт против всяких отметок, что спустя годы, это было уже в 1962 году, я открыл первый экспериментальный класс, в котором упразднил отметки. Я сказал себе: «Отметки мешали мне, значит, будут мешать и другим». Потом эксперимент расширился, мы охватили целые регионы Грузии, сотни учителей и тысячи детей начальных классов, где не ставили отметок. Сейчас в начальных классах России разрешено не ставить отметки – и это зиждется на нашем эксперименте.

– Можно ли найти «золотую середину» между гуманной и авторитарной педагогиками?

– Мне такая возможность не представляется. Гуманная педагогика – это не та, которая ремонтирует другую педагогика. Как сказал один философ, как ни совершенствуй керосиновую лампу, она электрической не станет. Гуманная педагогика не чинит авторитарную педагогика.

ставить звездочки, солнышки. Если много лучиков – это хорошая отметка, мало – похуже. А если работа плохая, спрашиваю я у ученицы, что ставит учитель? Тучу с молнией! Вот такая замена, но это хуже, чем отметки! Цифры как никак социально признаны. «Четверка» – не совсем хорошо, «тройка» – хуже, если «двойка» – надо принимать меры, наказывать. Отметки для авторитарного педагога как строительный материал, как столбы. Уберите столбы у здания – и рухнет все! А в гуманной педагогике вместо этих столбов есть мое отношение к ребенку. Главная проблема не в отметках и силовых подходах. Суть в том, что гуманная педагогика опирается на понятие духовности, духовного гуманизма, отсюда и происходит осмысление всего остального.

– В таком случае нужно очень сильно доверять педагогу.

кого рода экономические кризисы. Учитель Великой России должен жить свободно и вольготно, не думая о куске хлеба и не унижаясь перед чиновничьей властью. То, что учителя бедствуют, — это отразится на духовно-нравственном облике их воспитанников. Хотя российский учитель по натуре своей до такой степени предан детству, что терпит свои бедствия ради спасения поколений. Учитель — надобственное явление, он художник Жизни. И если мы хотим, чтобы жизнь в стране стала достойной, то пусть государство и общество, весь народ создадут своим учителям самые благие условия, обеспечив их и достойной зарплатой, и уважением, и доверием, и любовью. Учителя — самый преданный народ детству, и если даже государство будет игнорировать их, они все равно исполнят свой долг, ибо они — соратники у Бога, а не у преходящей власти. Истинный учитель, а таких много в Великой Стране, это знает сердцем, а не вузовской подготовкой. Сердцем знает, что не хлебом единым жив человек. Знает цену педагогической совести и нравственности, которые не продаются ни за какое золото. Именно сейчас, когда вокруг торжествуют безнравственность и нищета, нужны духовность, сила духа как единственное спасение. Когда все будет хорошо, тогда нам понадобятся другие понятия, чтобы повысить планку нашего сознания. Я не имею в виду

тех учителей, которые могут сказать: «Какую дают зарплату, так и учу, и воспитываю». Они скорее не учителя, а обслуживающий персонал.

Если учитель будет только на зарплату смотреть, ничего хорошего из него не получится. Да, плохая зарплата, почти нищенская! Даже в Москве, где средняя зарплата высокая, я знаю учителей, которые еле сводят концы с концами. Но от советских учителей у нас осталась некая преданность детям.

Однажды я проводил семинар в одном крупном городе — вся область собралась. Зал переполненный — 700 с лишним человек. На второй день пятидневного семинара я спохватился и говорю: «Друзья мои, вы же уроки сейчас пропускаете. Давайте будем проводить семинар с 2 часов, а утром я к кому-нибудь пойду на уроки». Они мне что-то кричат хором. Думаю, в чем дело? «Вы не беспокойтесь, — говорят они мне, — мы бастуем!» Оказывается, они 8 месяцев не получали зарплату, но вместо того чтобы стоять у администрации с лозунгами, пришли на семинар, а он, между прочим, платный. Такого менталитета ни в одной стране не найдете. Такую ответственность учителя нужно уберечь, сохранить от разрушения. И сделать это должен вуз, профессор будущих учителей.

— А есть ли у нас такие профессора?

— Хочу сказать о Викторе Васильевиче Рябове, ректоре Московского городского педагогического университета. Он меня пригласил сразу после открытия университета возглавить лабораторию гуманной педагогики. Он провозгласил эту педагогику как основу работы со студентами. В университете создаются все условия для такой деятельности, но многое зависит от личности самого профессора. Силой никого не сделаешь гуманным. Я должен сам выбирать. Я могу гуманно провести экзамен — мой студент получит справедливую отметку и не обидится. И могу провести авторитарно, жестко, унижить, не уважая, разрушая в студенте будущего учителя. И он уйдет обиженный не только на университет, на страну в целом!

В нашем университете ректор призывает профессоров к гуманной педагогике, и многие из них идут по этому пути. Студенты любят таких профессоров, уважают их. Я тоже читаю курсы, и студенты мне иногда говорят, почему другие преподаватели не относятся к нам так, как вы. Но я не могу ответить за всех.

Готовить учителей — это мало. Надо их воспитывать! Чтобы они не просто знали психологию, а сделали ее инструментом познания ребенка. Не предмет свой знали, а сделали его способом воодушевления, одухотворения ребенка. Таких учителей, к сожалению, еще мало, но надо их взращивать. Идея гуманной педагогики их возвышает. А Россия имеет огромный потенциал духовности, чего нет на Западе.

— Как же нам развить этот потенциал?

— Я пропагандирую гуманную педагогику, которая развивает духовность и в педагогах, и в детях. Мы издаем «Антологию гуманной педагогики» вместе с академиком Дмитрием Дмитриевичем Зуевым, выпустили уже 55 томов. Но этого мало. Надо чтобы кто-то, находящийся у власти, тоже подумал об этом. Вообще-то я не люблю касаться чиновников, у них тоже свои проблемы, но когда чиновник так отойдет от школы, что даже через мощный телескоп не видит ее, мне это непонятно. Поэтому в образовательных программах мы не видим ничего о нравственности, о духовности, о том, что обучение — вторичное явление после воспитания. Не ЕГЭ будет спасать детей. ЕГЭ, скорее всего, — это отбор талантливых людей для Запада. Эти таланты направятся туда, где больше

зарплаты, где выше уровень жизни, — на Запад. Мы не вкладываем в души детей любовь к Родине, требуем только знания. А чтобы набрать эти знания, сколько нужно было нанять репетиторов, которым надо платить! Потом же надо возместить эти затраты! А здесь нет достойно оплачиваемой работы — вот молодежь и тянется за границу, дарит ей свой талант, а нам остаются рожки да ножки!

— Удастся ли вам сегодня воплотить идеи гуманной педагогики в практике школы?

— Конечно, у нашего университета есть экспериментальная школа № 200, недалеко от метро Ясенево. Когда нам несколько лет назад дали ее, это было невзрачное здание, не выделяющееся ни евроремонтом, ни одаренными учениками. Нам предложили продолжать свою работу в старших классах, поскольку младших классов в этой школе не было. Но когда мы туда пришли — просто ахнули. Оказалось, что это школа для выравнивания неполноценных детей. Туда отдавали всех неугодных и неудобных детей из микрорайона. Рядом был детский дом, из которого ни одна школа не брала детей, приклеивая им ярлык плохих, и дети попадали в эту школу. Там не было начальных классов, потому что родители просто не отдавали туда детей. Вот такую школу нам предоставили и сказали: «Теперь посмотрим, на что способна ваша гуманная педагогика».

Именно сейчас, когда вокруг торжествуют безнравственность и нищета, нужны духовность, сила духа как единственное спасение.

Мы сказали учителям, что будем вводить гуманную педагогику, попросили их помочь нам. Но они хором сказали, что без «палок» этих детей воспитывать нельзя! И разбежались; остались только двое. Был уже конец августа, завтра учебный год начинался, а у нас учителей нет. С трудом нашли кое-кого, просили, умоляли. Укомплектовали педагогический коллектив теми, кто пришел. Два года с ними работали. Уговаривали учителей, учили их, показывали, как надо проводить уроки, как общаться с детьми, начали с ними дружить. Ибо мы знали — приказами ничего не сделаешь. Сердцу не прикажешь, а это — педагогика сердца. Потом убеждали самих детей, что они не плохие, что все они способные, талантливые,

только мы не знаем, как открыть их талант. Помогите нам, дети!

Два года прошло в уговорах, в подготовке учителей. За это время родители присмотрелись к школе и начали отдавать туда детей, появились начальные классы. Рядом есть престижная кадетская школа, а мать приводит детей в нашу школу. Это была победа.

— Ваше имя, наверное, сыграло свою роль?

— Я не исключаю этого. Если есть школа Сухомлинского — детей приведут, но надо еще оправдать эти надежды.

Спустя два года пришла комиссия проверять и аттестовывать школу.

Аттестация обычно странно делается. Учителям не доверяют, проверяющие сами проводят опросы. Любая проверка должна возвысить школу, а проверяющие ее унижают.

В конце концов комиссия оценила школу как обычную общеобразовательную, а не как школу для выравнивания детей с замедленным развитием. И нам начали задавать вопросы: как же так, надо проверить списки, может, дети не те? Но дети были теми же самыми. Проверяющие никак не могли понять, что здесь начала действовать некая часть гуманной педагогики. Некая любовь, духовность.

Сейчас эта школа полная. Мы нашли учителей, создали коллектив и бережем его.

— Как вы отбирали учителей?

— Отбирать особой возможности не было. Принимали тех, кто приходил. А потом, дружа с ними, помогали им. Без дружбы, взаимности — невозможно. Что может удержать в школе учителя? Зарплата — небольшая, а что другое? Интерес к новому, проба собственных возможностей — смогу ли я это сделать?

Некоторые учителя достигли высоких уровней. Знаете, это как в балете есть прима-балерина, так и в школе может быть прима-учитель. Многому можно научиться. Ведь у каждого человека есть сердце, не обязательно педагогическое. Просто в нем есть чуткость, совесть, любовь, вера во что-нибудь хорошее. Тогда в такое сердце приходит прекрасная педагогическая птичка и гнездится в нем.

— Но ведь когда поступают в педуниверситет, никто не проверяет, насколько чуткое и совестьливое сердце у абитуриента...

— Как они могут проверять, когда цель одна — лишь бы заполнить факультет. Наш ректор правильно гордится: на некоторые факультеты есть достойный конкурс, но ведь во многих вузах нет этих конкурсов! Остается только одно: профессору надо штучно готовить учителя. Сидит у тебя 20 студентов — полюби каждого. Кто-то плохо будет учиться, не будет слушать, а ты полюби его. Кто-то придет неподготовленным на семинар — а ты полюби его. Подари ему свою книгу, пожми руку, удивляйся маленькому продвижению. Он больше сделает. Это и есть возвращение учителя, а не подготовка.

– Может, необходимо изменить систему приема в педагогические вузы?

– Это было бы хорошо. Конечно, ЕГЭ никоим образом не соответствует этому делу, а наоборот. Я думаю, что ЕГЭ не оправдало никаких надежд, абсолютно никаких надежд! Еще в 1970-х годах я познал это ЕГЭ в Америке. То, что кто-то хвалит ЕГЭ, – это чушь. Это только обман. Когда у В.В. Путина спрашивали, что он думает о ЕГЭ, которое не нравится обществу, он ответил: разберемся. Он не сказал, что ему это тоже не нравится, но тем не менее сохранил.

Вот и приходит в вуз сдавший экзамен по ЕГЭ. Этот экзамен не определяет уровень интеллекта, не определяет качество и системность

– А чего не умеет делать нынешний учитель?

– Он унаследовал от советского учителя страх. Советский учитель был самым напуганным человеком в обществе. Он боялся любого проверяющего, директора, представителя района. И учителя воспроизводят себе подобных. От этой напуганности надо отойти.

Еще одно наследство от советских времен – авторитаризм, силовой подход к детям. И от этого надо отойти.

И третье, чего не хватает нашим учителям, – это духовности. Учитель должен расширить свое сознание, понять, что наша жизнь зиждется на духовной основе, а не только на материальной. Тогда у учителя родится другой подход к каждому

звездными детьми. Некоторые из этих названий просто литературные, необоснованные. А в некоторых содержится глубокий смысл. Но то, что дети другие, я сам лично вижу. У них возникают другие вопросы, чем у их бывших сверстников. Просто так кричать и держать их на уроке уже нельзя. Учителя не соответствуют новым детям, но есть закон: Детям Света нужны Учителя Света. Нужно принять мощные меры, чтобы учителя соответствовали своему высокому званию. Это забота и ректоров, и профессоров, и министерства, и курсов повышения квалификации.

Я стараюсь умножить ряды таких учителей. Ведь от одного учителя иногда зависит судьба очень многих людей. Как педагог должен воспринимать своих учеников? Как тех, кто треплет ему нервы, или как тех, из которых он должен созидать нечто неповторимое? Эти вопросы не праздные для судьбы любого ребенка. Каким будет этот век – от нас, от вас, от меня зависит.

– Следующий год объявлен Годом учителя. Что нужно сделать, чтобы поднять его престиж?

– Раскрепостить учителя. Не пугать его. Пусть учитель не боится ни министерства, ни начальства, ни директора, ни завуча. Возвысить его до уровня духовности и дать мыслить свободно и творчески. Свободно мыслящий учитель и будет творить свободно мыслящих граждан Великой Страны.

– Существует мнение, что учителя, общаясь с молодежью, детьми, подпитываются их энергией и потому не стареют. Наверное, в этом секрет и вашей молодости в 78 лет?

– Да, я согласен. Только речь не об авторитарных учителях. Они становятся вампирами. Издеваясь над ребенком, они подпитываются энергией. Надолго им не хватает, но в тот момент они довольны. Гуманный учитель, конечно, больше отдает. Он как свеча горит, но именно это горение и обеспечивает ему долголетие. Это и есть эликсир молодости.

– Вы ощутили любовь учеников?

– Ой, еще какую! Такую нежную любовь они дарят вам потом, такую благодарность. Это очень приятное ощущение, согревающее душу.

– Вы счастливый человек?

– Я счастлив, счастье мне подарили педагогика и дело, которому служу.

Учитель по натуре своей предан детству и терпит свои бедствия ради спасения поколений. Учитель – надобщественное явление, он – художник жизни. И если хотим, чтобы жизнь в стране стала достойной, пусть государство и общество, весь народ создадут своим учителям самые благие условия, обеспечив их и достойной зарплатой, и уважением, и доверием, и любовью.

знаний. Но он связан со многими случайностями, выявляет возможности кошелька отца, заплатившего за репетиторов. Кстати, и современный репетитор уже не тот, который давал системные знания. Его задача – натаскать будущего студента давать быстрые ответы на какие-то несуразные вопросы, соображать среди несуразности. Разве это серьезно? И такой студент приходит в педагогический университет. Существует еще план подготовки учителей. И получается замкнутый круг. Остается только одно: воспитывать. Надо, чтобы каждый профессор понял это.

У меня в 1989 г. была прекрасная группа студентов в педуниверситете Самары. Я приезжал туда 3–4 раза в год и занимался с этой группой по особой программе по системе гуманной педагогики. Была у них и особо организованная педагогическая практика, я читал им и психологию, и педагогику, и воспитывал этих студентов. Какими прекрасными они стали учителями, воспитателями, директорами! Конечно, на это уходит много усилий. Но давайте потратим столько, сколько нам не жалко, чтобы получился хороший учитель.

ребенку. Тогда исчезнут такие понятия, как «плохие» или «хорошие» дети. Потому что если ребенок отсталый, то как назвать его учителя? От неуспешного учителя рождается малоуспешный ребенок. Не технологии и методики решают проблему, а личность учителя.

Учитель мало внимания уделяет воспитанию, и его уводят от этого, говорят, не надо воспитывать, готовьте для сдачи ЕГЭ. И 2–3 года – лучшие годы молодого человека в 16–17 лет – уходят на освоение ЕГЭ. С каким мировоззрением этот человек выйдет потом в мир? В старших классах ученики, как правило, уже не ходят в школу. Они готовятся к ЕГЭ. Многие из них переходят в вечерние школы, на заочное обучение, чтобы не загружать себя школьными занятиями, а больше заниматься с репетиторами. Это что, открытие?

– Какие сейчас дети? Они изменились?

– Дети очень изменились. Они изменились еще в 60-е годы, когда их называли акселератами. А сейчас идут другие дети, их называют детьми света, детьми с космическим сознанием, детьми индиго,

new

Техникумы и колледжи будут готовить «прикладных бакалавров»

Порядка 30 российских техникумов и колледжей начнут готовить специалистов по программам прикладного бакалавриата с 1 сентября 2010 г., при этом эксперимент по отбору образовательных учреждений стартует уже в текущем году, сообщает Газета.Ru со ссылкой на проект постановления Правительства РФ, разработанный Минобрнауки России.

Глава департамента Министерства Игорь Реморенко ранее отмечал, что программа прикладного бакалавриата будет приравнена к высшему образованию, но фактически будет связана с высокотехнологичной подготовкой рабочих, таких как сварщики и сталевары. По его словам, это связано с тем, что современные виды сварки и сталеварения требуют подготовки специалистов самого высокого уровня, умеющих не только «мешать расплавленный металл», но и «следить за компьютером и регулировать процесс через сложные технологии».

Эксперимент по внедрению программы прикладного бакалавриата будет проводиться с 1 сентября 2009 г. по 2014 г., говорится в проекте. В нем примут участие подведомственные Рособразованию и Правительству РФ федеральные государственные образовательные учреждения, которые реализуют программы среднего профобразования углубленной подготовки.

Министерство образования и науки РФ проведет конкурс среди техникумов и колледжей. Его победители до начала приема абитуриентов должны будут пройти процедуру лицензирования новой программы.

Программа прикладного бакалавриата будет сочетать в себе практикоориентированную подготовку, характерную для техникумов, и теоретическую подготовку, характерную для вузовского бакалавриата, отмечается в документе. Студентов будут учить четыре года очно за счет средств федерального бюджета. Определять заказ на подготовку специалистов такого уровня будет государство.

Студенты техникумов и колледжей, участвующие в эксперименте, получат те же права, обязанности и меры социальной поддержки, ка-

кие предусмотрены для студентов-очников вузов. Выпускникам будет присваиваться квалификация «Прикладной бакалавр» и выдаваться диплом государственного образца о высшем профобразовании, говорится в проекте.

new

ЕГЭ позволил преодолеть географическое неравенство абитуриентов

В России преодолено географическое неравенство абитуриентов, заявил министр образования и науки Андрей Фурсенко, выступая в Государственной Думе РФ. Он отметил, что «по имеющимся оценкам в прошлые годы семьи ежегодно тратили на вступительную кампанию порядка 1 млрд долларов, из них порядка 700 млн – на проезд к месту поступления и проживания абитуриентов». «Эти расходы семей с введением ЕГЭ существенно сокращаются. Фактически мы преодолели географическое неравенство», – заявил министр.

Фурсенко привел ряд примеров. Так, по словам министра, «с введением ЕГЭ в Чувашии доля выпускников школ, которые поступили в вузы за пределами республики, выросла с 5 до 18–20%». «Доля иногородних первокурсников в Санкт-Петербурге выросла с 32 до 47%. Аналогичная ситуация в Москве», – отметил министр.

«Доля сельских школьников, которые поступили в вузы, стала сопоставима с долей сельского населения страны», – сказал Фурсенко. «В среднем по России на 10% увеличилось число студентов первых курсов вузов и средних специальных учебных заведений из населенных пунктов с населением до 100 тыс. человек», – привел данные министр.

В то же время Фурсенко отметил, что выпускники смогут поступать в вузы и по результатам олимпиад. «По нашим расчетам через систему олимпиад будут поступать до 10% выпускников школ», – сказал министр. Сегодня помимо всероссийской олимпиады 120 предметных олимпиад, отметил он. «Мы посмотрим, каким образом эти олимпиады смогут оказать необходимую поддержку для ребят», – заявил Фурсенко.

Пересдать ЕГЭ по предметам по выбору можно только в 2010 г.

5 августа

1858 — открылся первый трансатлантический телеграф. Королева Виктория обменялась приветствиями с президентом США Джеймсом Бьюкененом.

1913 — над петербургским Корпусным аэродромом совершил полет первый в мире многомоторный самолет «Русский витязь» конструкции 24-летнего Игоря Сикорского.

1914 — в Кливленде (США) установлены первые в мире электрические светофоры.

1924 — из мастерской Балтийского судостроительного завода вышел первый советский тепловоз. Автором проекта был профессор Яков Модестович Гаккель.

Родились:

1844 — Илья Репин (умер в 1930), русский художник-передвижник, мастер портретов, исторических и бытовых сцен.

1868 — Борис Тураев (умер в 1920), русский историк, востоковед, один из ведущих авторитетов в области Древнего Востока.

1905 — Артем Микоян (умер в 1970), авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда, академик, генерал-полковник инженерно-технической службы, кавалер шести орденов Ленина.

1906 — Василий Леонтьев (умер в 1999), выдающийся ученый-экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1973 года.

1930 — Нил Армстронг, американский астронавт; первый землянин, ступивший на Луну.

6 августа

День Хиросимы.

Православная церковь: Память мучеников благоверных князей Бориса и Глеба

988 — Крещение Руси, принятие христианства киевским князем Владимиром.